Общая характеристика работы

Тема детства – одна из магистральных тем мировой художественной литературы. Концепции детства и отношение к образу ребенка на протяжении времени кардинальным образом менялись. Научное изучение художественных концепций детства и детских образов как в истории английской и американской литературы в целом, так и в творчестве отдельно взятых авторов, даёт ценную информацию о культуре и ментальности западной цивилизации.

В творчестве американского писателя С. Кинга, как в зеркале, отражаются самые актуальные проблемы современного постиндустриального общества; более того, автор верно предсказал ряд социальных явлений, не существовавших к моменту написания его книг. В связи с тем, что большинство его книг либо написаны от лица ребенка, либо непосредственно обращаются к теме детства, а аудитория этого популярного автора составляет десятки миллионов читателей, есть основания полагать, что С. Кинг, если и не главный, то, видимо, один из наиболее влиятельных современных писателей, создателей литературных образов ребенка. Тем более важно осознать, чем же обусловлен столь живой интерес американского прозаика к теме детства и к образу ребенка.

Точкой отсчета начала эволюции образа ребенка в истории английской и американской литературы нами выбран конец XVIII века, так как очевидно, что возникновение нового «литературного ребенка» близко связано с революцией чувствительности, с тем, что называют «романтическим возрождением»[1]. Это не означает, конечно, что до XVIII века фигуры ребенка в искусстве не существовало. Как символ, выражающий некие философские, мировоззренческие идеи, он существует уже давно. Вспомним знаменитое изречение из Нового Завета: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Библия. Матф. 18:3), согласно которому ребенок выступает в качестве нравственной модели человека. Алиса Бернис в работе «The Child: an Archetypal Symbol in Literature for Children and Adults» на примере библейского мифа о Давиде и Голиафе и англо-саксонского мифа о Беовульфе акцентирует архетипическую функцию ребенка-спасителя человечества в народном сознании того времени[2]. М.М. Бахтин писал о такой характерной форме гротескного тела, как младенчество, об использовании в карнавале образов детей в качестве «универсальнейшего символа вечно умирающей и обновляющейся жизни»[3]. Джордж Боас в своей книге «The Cult of Childhood» заявляет, что история западной культуры знала несколько периодов так называемого «антиинтеллектуализма», во время которых ребенок, наряду с крестьянином и женщиной, служил моделью «культурного примитивиста»[4]. К.Г. Юнг говорил о том, что в фольклоре мотив ребенка предстает в обликах карлика и эльфа как проявлений сокровенных сил природы[5]. Наконец, Александр Ф. Чемберлен в монументальном труде «The Child and Childhood in Folk-Thought», рассматривая мифы различных народов, выделяет в целом ряду знаковых ролей образ ребенка как лингвиста, актера и изобретателя, поэта и музыканта, учителя и мудреца, судью, оракула, мага, знахаря, героя, святыню и бога[6] и т.д. Но подлинный интерес к феномену детства как к самостоятельному и самоценному явлению, способному служить важнейшим элементом эстетики, объектом поклонения и идеалом человечности, появляется в эпоху романтизма.

Чтобы верно осмыслить многообразие исследовательского материала, при обзоре

---

[1] Coveney, Peter. The Image of Childhood. – London, 1967. – P. 29.
[2] Byrnes, Alice. The Child: an archetypal Symbol in Literature for Children and Adults. – N.Y., 1995. – P. 7 – 10.
[3] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1990. – С. 276.
[4] См. Boas, George. The Cult of Childhood. – London, 1966.
[5] Юнг К.Г. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века. Сост. Р.А. Гальцева. – М., 1991. – С. 124.
[6] См. Chamberlain, Alexander F. The Child and Childhood in Folk-Thought. – London, 1896.

художественной эволюции образа ребенка в истории английской и американской литературы нами был использован комплексный подход к изучению проблемы. Привлекались источники из различных научных дисциплин: литературоведения, психологии, социологии, философии, культурологии, эстетики. В аналитическом обзоре охватываются два столетия и рассматриваются произведения более пятидесяти английских и американских авторов. В качестве материала были исследованы художественные тексты, сыгравшие важную роль в развитии литературного образа ребенка, а также основные идеи и концепции, связанные с фигурой ребенка и образом детства, возникавшие и отражавшиеся в английской и американской литературе XIX – XX вв. Такой аналитический обзор был необходим, поскольку без учета уже сложившейся традиции невозможно понять специфическую роль проблемы детства в художественной концепции отдельно взятого писателя, в данном случае С. Кинга.

Российское литературоведение практически не знает ни примеров целенаправленного и основательного исследования художественного развития образа ребенка и темы детства в истории английской и американской литературы[7], ни уж тем более изучения концепций детства в творчестве С. Кинга. Между тем, анализ произведений о детях С. Кинга дает возможность представить, каким образом его творчество вписывается в концепции детства, характерные для англо-американской литературной традиции и, шире – в контекст мировой литературы. Все это позволяет говорить о несомненной **актуальности** избранной нами темы.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые в отечественном литературоведении осуществляется анализ концепций детства в творчестве С. Кинга в широком литературоведческом и культурфилософском дискурсе.

---

[7] Исключением являются: статья М. Эпштейна и Е. Юкиной «Образы детства», затрагивающая, несмотря на малый объем, несколько важных тенденций и особенностей развития образа ребенка в русской и зарубежной литературе; докторская диссертация И.А. Шишковой «Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков. Конец XIX – XX вв.» где рассматриваются тенденции развития темы детства в английской литературе; кандидатская диссертация Л.В. Федотовой «Образ тинейджера в английской, американской и русской литературе: вторая половина XX века» где несмотря на многообещающее название, речь идет, в основном, о трех произвольно выбранных автором писателях, совсем короткая, но, безусловно, интересная публикация А. Заваровой «Миф о детстве», монография Н.Л. Иткиной «Поэтика Сэлинджера» в которой исследовательница уделяет довольно большое внимание проблеме детства в американской литературной традиции. В основном же российские литературоведы касались этой темы лишь спорадически и фрагментарно. Так, Н.Я. Берковский в своей книге «Романтизм в Германии», в разделе об идеалах немецких романтиков, в числе прочего выделяет значимость для писателей и поэтов образов детей. М.М. Бахтин в своем монументальном труде «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» высказывает интересные соображения о роли образа ребенка в карнавале. В свою очередь, история советской критики и литературоведения знает несколько примеров изучения подростковых и юношеских образов в английской и американской литературе, но, акцент в этих трудах лежит все же на молодежных образах и они носят, в подавляющей массе, явно идеологический характер, выделяя, впрочем, такую важную особенность развития образа ребенка в западной литературы второй половины XX в., как «отчуждение» («alienation») от мира взрослых. Отметим относящиеся сюда книги Г. Анджапаридзе «Потребитель. Бунтарь. Борец», Т.Л. Морозовой «Образ молодого американца в литературе США»; Р.Орловой, Л.Копелева «Без прошлого и будущего»; Р. Орловой «Потомки Гекльберри Финна»; диссертацию Ю.В. Покальчука «Проблема молодежи в американском романе 50-60-х годов», статью А.А.Елистратовой «Духовный кризис молодежи США в американском романе» и др. Более перспективной для нашего исследования стала книга И. Влодавской «Поэтика английского романа воспитания начала XX в.: Типология жанра», но, как и в случае с вышеперечисленными авторами, речь здесь идет скорее о юношеском возрасте, нежели о ребенке. В обстановке дефицита научных исследований по данной теме на русском языке, автору диссертационного исследования пришлось обратиться к опыту западного (в основном американского, английского и немецкого) литературоведения.

Целью исследования является многосторонний анализ концепции детства и детских образов у С. Кинга в контексте литературных и культурных традиций Англии и США. Цель работы определила следующие **задачи**:

1. Рассмотреть комплекс наиболее значимых общественных, философских, эстетических, культурологических, социальных и психологических идей, влиявших на развитие проблемы детства в англо-американской литературной традиции;
2. Охарактеризовать основные традиции изображения детства и детей в литературе Англии и США;
3. Раскрыть идейно-эстетические позиции С. Кинга, обусловившие художественную интерпретацию проблемы детства в его произведениях;
4. Определить роль и значение детства и образов детей в творчестве С. Кинга;
5. Раскрыть культурно-художественные контексты типологии образов детства в его творчестве.

Объект диссертационного исследования – концепции детства в англо-американской литературной традиции.

Предмет исследования – концепция детства и образы детей в творчестве С. Кинга.

Материалом исследования послужили наиболее яркие в идейно-художественном плане романы, повести и рассказы, принадлежащие перу С. Кинга, в которых образы детей и тема детства занимают важное место. Среди них романы: «The Girl Who Loved Tom Gordon», «It», «The Talisman», «Carrie», «Pet Sematary», «Cujo», «Firestarter», «The Shining», «Gerald’s Game», «Dolores Claiborne», «The Dead Zone»; повести: «Low Men in yellow Coats», «The Long Walk», «Rage», «The Body», «The Apt Pupil», «The Library Policeman», «The Langoliers», «The Sun Dog»; рассказы: «Boogeyman», «Children of the Corn», «The Raft», «Sometimes They Come Back», «Suffer the Little Children», «Here there be Tygers», «Cain Rose Up», «The Monkey».

Методология диссертационного исследования носит интегративный характер и основывается на теоретико-методологических идеях, выдвинутых в исследованиях общетеоретического и частного характера. Среди них выделяем труды Н.А. Анастасьева, Л.Г. Андреева, М.М. Бахтина, Н.Я. Берковского, Ю.Б. Борева, И. Влодавской, А.Б. Есина, Я. Засурского, Ю.И. Кагарлицкого, Е.Н. Ковтун, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, Б.А. Успенского, М. Эпштейна, Р. Барта, А. Бернис (Byrnes, Alice), Д. Боаса (Boas, George), Л. Бэдли (Badley, Linda), С. Бюссинг (Buessing, Sabine), Б. Вигерса (Wiegers, Ben), У. Дурста (Durst, Uwe), П. Ковени (Coveney, Peter), М. Коллингса (Collings, Michael R.), А. Компаньона, Р. Куна (Kuhn, Reinhard), Т. Магистрале (Magistrale, Tony), Э. Пайфер (Pifer, Ellen), М. Пьетровской (Piotrowska, Małgorzata), Г. Скаддер (Scudder, Horace Elisha), Х. Стрэнгель (Strengell, Heidi), Т. Таннерса (Tanners, Tony), Ц. Тодорова, Б. Хаферкампа (Haferkamp, Bertel), А. Хебергер (Heberger, Alexandra), Н. Фрая (Frye, Northrop), П. Фризе (Freese, Peter), Е. Шпанна (Spann, Ekkehard), У. Эко, и др.

Методологическую значимость для исследования имели работы обще-теоретического и частного характера в области психологии (К.Г. Юнг, З. Фрейд, Ж. Пиаже, Б. Беттельгейм, Э. Нойманн, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, В.С. Мухина, Л.Ф. Обухова, М. Мид, Э. Эриксон); философии (Ж.-Ж. Руссо, Т. Карлейл, Р. Эмерсон, Г. Торо, Ф. Ницше и др.); культурологии и антропологии (Ф. Арьес, И.С. Кон, К. Леви-Стросс, Д. Кэмпбелл, Александр Ф. Чемберлен и др.).

Основными подходами к исследованию проблемы детства в творчестве С.Кинга явились мифологический, психоаналитический и культурологический. В процессе работы использовались методы текстуального анализа, исторической школы с элементами сравнительной типологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тема детства, непосредственно связанная со знаковыми культурно-философскими концептами, влиявшими и влияющими на развитие ментальности западной цивилизации, представляет собой индикатор важнейших изменений в культурно-философском климате западной цивилизации.
2. Идейно-философской основой концепций детства в англо-американской литературной традиции являются следующие знаковые культурно-философские концепты:

- положение Ж.-Ж. Руссо о естественном человеке и детстве как идеальном состоянии человечества;
- представления З. Фрейда о детстве, как о времени неврозов, влияющих (как правило, негативно) на дальнейшую судьбу индивида;
- учение К.Г. Юнга о глубинном психологическом значении архетипа ребенка как символе цельности, интеграции сознания с бессознательным, баланса невинности и мудрости, свободы и ответственности, слабости и силы и Ж.Пиаже о когнитивных особенностях детского, приближенного к мифологическому мышления и восприятия.

3. В литературных традициях Англии и США эти и другие концепты осмыслялись по-разному. Так, для развития и воплощения в искусстве идей Ж.-Ж. Руссо, «девственная» территория Америки оказалась более благодатной почвой, чем урбанизированная и цивилизованная Англия, и тема детства здесь тесным образом связана с концептом «американского Адама», как неотъемлемой части «американской идеи».
4. Среди сложившегося к последней трети XX века комплекса разнообразных сторон темы детства, применительно к художественному миру С. Кинга мы выделяем три аспекта проблематики детства, характерных для его творчества: социо-культурный, психоаналитический и мифологический, в каждом из которых проблема детства раскрывается по-своему.
5. С. Кинг – один из знаковых писателей современности, художественная ценность творчества которого проявляется в том числе и в его способности отражать в своих произведениях актуальнейшие проблемы современной американской и в целом западной цивилизации. С. Кинг внес значительный вклад в развитие проблемы детства в мировой литературной традиции.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут послужить основой для сравнительного изучения концепций детства в мировой литературе, а также для дальнейших исследований, касающихся творчества С. Кинга. В научный обиход вводится целый ряд ранее не известных в российском литературоведении работ западных ученых.

Практическая ценность работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы при разработке лекций и практических занятий по истории зарубежной литературы XIX-XX вв., тематики контрольных, курсовых и дипломных студенческих работ. Материалы диссертации будут также полезны при планировании и проведении спецкурсов и спецсеминаров по литературе Англии и США, а также в ходе организации учебной и внеклассной работы со школьниками студентов-практикантов и учителей-словесников.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы СГПУ, на международной научно-практической конференции «Культура и Язык» (Самара, 2003 г.), на международной конференции «Культура и текст» (Барнаул, 2005 г.), на зональной межвузовской конференции «Бочкаревские чтения» (Самара, 2006 г.). По результатам исследования опубликовано 5 работ и составлен план практического занятия, включенный в кафедральное учебно-методическое пособие.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 382 наименования, из них 131 на английском языке, 35 на немецком, 1 на польском и приложений. Объём текста – 187 с.

Основное содержание работы.

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность и научная новизна, обозначается материал и предмет изучения, дается краткий обзор литературно-критических работ, в которых нашли отражение те или иные аспекты исследуемой проблемы, определяются цели и задачи работы, формулируются методологическая основа и методы изучения.

Первая глава диссертации - **«Эволюция образа ребенка в истории английской и американской литературы XIX – XX века»** – состоит из двух параграфов, в которых рассматриваются основные идеи и концепции, связанные с фигурой ребенка и образом детства, возникавшие и развивавшиеся в английской и американской литературе XIX – XX вв.

В **первом параграфе - «Концепция детства и детские образы в литературе Англии и США XIX века»** - отмечается, что возникновение стимула к появлению образа ребенка в английском романтизме связано с влиянием идей французского просветителя **Ж.-Ж. Руссо**. Роль, которую философ отводит детям, являлась революционной для общественного сознания того времени. **Ж.-Ж. Руссо,** подвергая сомнению абсолютную ценность взрослого рационального разума, провозглашает ребенка как парадигму невинности, полагая при этом, что ребенок хорош до того момента, пока его не портят взрослые. Он постулирует мысль о том, что ребенок хорош сам по себе, а не как модель будущего взрослого.

Эти идеи были затем осмыслены и развиты в творчестве английских романтиков. Романтизм воздвигает своего рода культ ребенка и детства. Если XVIII век понимал ребенка как «взрослого маленького формата» (Н.Я.Берковский), практически не осознавая самостоятельной ценности его «детскости», то внимание романтиков направлено к тому в детях и в детском сознании, что будет неизбежно утеряно взрослыми. Огромная роль, которую ребенок играет у романтиков, обусловлена генеральным противоречием XVIII и XIX веков, а именно противопоставлением разума и чувства, где ребенок олицетворял собой последнее. Место просветительского «еще не человека» занимает «лучший человек». С другой же стороны, новаторская идея изначальной «невинности» ребенка вошла в противоречие с более архаичной концепцией первородного греха, согласно которой все люди, вне зависимости от их возраста, несут на себе бремя тяжкого греха, совершенного прародителями человечества.

Историко-социологический анализ проясняет социальные и культурные предпосылки сдвигов, происходивших в эпоху романтизма и нашедших выражение в усложнении сферы жизнедеятельности и механизмов социализации личности, в повышении ценности индивидуальности, в росте личного самосознания и т.д. Каждый новый образ ребенка являлся не просто этапом углубления художественного познания детства, а и специфическим видом социальной проекции, отражением чаяний и разочарований взрослых. «Детские дети» романтиков были условными символами некоего идеального мира, как то было со «счастливыми дикарями» XVIII века. Для романтиков в них были выражены идеи «золотого века», рая, времени, когда люди еще не вкусили от древа познания добра и зла, в них заключались высшие идеалы романтиков – невинность, бессознательное, поэзия, красота, гармония. Ребенок был центральным символом в таких, знаковых для романтического мировосприятия бинарных оппозициях, как чувство и разум, цельность и раздробленность, художник и общество, природа и цивилизация, невинность и испорченность, возможность и исполнение.

Так, для **У. Блэйка** ведущим мотивом сборников **(«Songs of Innocence»)** (1789/90) и **(«Songs of Experience»)** (1794) является потеря невинности и постоянная борьба за новый синтез невинности и познания. Для поэта ребенок воплощал способность пропускать через себя целостность, простоту и доброту в мир, то, что взрослые потеряли и хотели бы вновь найти. Здесь мы находим строки, обожествляющие сущность ребенка **(«A Cradle Song»)**,

кроме того, образ ребенка используется как выражение критики современного общества («**Holy Thursday»)** и олицетворение музы, символа связи поэта с бессознательным, с источником творчества («**Introduction**»).

В поэзии главы «лейкистов» **У. Вордсворда**, автора знаменитой фразы «The Child is Father of the Man», мы находим подтверждение идеи мудрости ребенка в стихотворении **«Anecdote for Fathers»** (1798), а также мысли о тесной связи детства с божественным началом и о всезнании ребенка, воплощенные в оде **«Intimations of Immortality from Recollections of early Childhood»** (1802/1804).

В романтических произведениях фигурировал не реальный, живой ребенок, а отвлеченный символ перечисленных выше ипостасей. Постулировав самоценность детства, романтизм идеализировал его, превратив мир детства в миф. Образ ребенка, служивший отличным инструментом для выражения идей у романтиков, приобретает иные функции в викторианскую эпоху, для общественного сознания которой характерно обострившееся восприятие неизбежности прогресса и сильное беспокойство по поводу природы настоящего. Так, для многих писателей этого периода невинность в образах детей приобретает пафосный характер и во многом служит для оправдания их эскапизма[8]. Дети часто становятся невинными жертвами обстоятельств, марионетками в руках антигуманного общества («**Jane Eyre»** (1847) **Ш. Бронте, «Great Expectations»** (1861**), «Oliver Twist, or The Parish Boy's Progress»** (1838) **Ч. Диккенса).** Становится популярным мотив смерти невинного ребенка, его ухода от полной опасности и зла жизни, пока он еще не успел испортиться (смерть Элен в романе **«Jane Eyre»**, Домби-сына в романе «**Dealings with the Firm of Dombey and Son**» (1846/48)). С полным основанием можно утверждать, что литературные образы детей викторианского периода оказываются слишком идеализированными.

Для литературы критического реализма XIX века характерна тесная связь между образом бедняка и ребенка. **Ч. Диккенс** объединил образы несчастных (бедняков-взрослых и детей) в один из попуярнейших героических “тандемов” викторианской литературы («**Hard Times For These Times»**, (1854), **«Great Expectations»**). Образ ребенка в викторианской литературе часто оказывается символом благотворного воздействия на мир взрослых **«Silas Marner, the Weaver of Raveloe»** (1861) **Д. Элиот**, **«A Christmas Carol»** (1843), «**The Old Curiosity Shop»** (1841) **Ч. Диккенса**.

В отличие от английской литературы этого периода, развитие фигуры ребенка в Америке протекало по-другому пути. В стране «бесконечных возможностей» ребенок был свободен развивать и контролировать свою судьбу. Ребенок становится знаковой фигурой в контексте знаменитой «американской мечты». Если Америка воплощает собой Эдем, то ребенок был прекрасным символом для нового «американского Адама»[9], идеальной моделью человека, не вкусившего яблока познания добра и зла. Романтическая идея об интуитивном, непосредственном познании мира ребенком сыграла в истории американской литературы особую роль. Именно этот взгляд выбирают многие писатели, ведь основной задачей, стоявшей перед ними, была необходимость осознать и освоить новый континент. «Удивленный взгляд» был приспособлен как основной метод освоения действительности.

Сквозным для литературы США становится мотив инициации как трагической потери невинности и приобщения к злу. Начало этому положил **Н.Готорн**. В этом отношении заслуживает внимания его расссказ «**Young Goodman Brown**» (1835), где инициация толкуется как познание зла, грехопадение.

---

[8] Несмотря на то, что центральной темой сборника **«Songs of Experience»** становится отрицательное влияние общества на «радость воображения», по мнению ряда ученых, в данном произведении все же выражается надежда на гармоничное сочетание невинности и познания.

[9] Термин введен Р.В.Б. Льюисом в его книге «The American Adam: Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century». – Chicago, 1995.

Особая роль, отведенная в американской литературе ребенку, теоретически была подготовлена деятельностью американских трансценденталистов, прежде всего, **Р. Эмерсона** и **Г. Торо**. Для них взгляд, освобожденный от груза культурно-исторических ассоциаций, сосредоточенный на настоящем моменте, - это взгляд ребенка. Именно в этом качестве ребенок представляет особый интерес для искусства. Способность детского глаза созерцать предмет, не делая логических умозаключений, отмеченная еще **Ж.-Ж. Руссо** и оцененная романтиками, по мнению некоторых исследователей, именно в американской литературной традиции нашла свое наиболее полное воплощение. Идеи трансценденталистов, постулировавшие невинность ребенка и его близость к богу, были в поэтической форме переданы **Г. Лонгфелло** в стихотворении «**Children**» из сборника «**Birds of Passage**» (1858), а еще ранее – в стихотворении «**To a Child**» из сборника «**The Belfry of Bruges and Other Poems**» (1846).

Так же, как и в английском общественном сознании, в Америке столкнулись две противоположные идеи, а именно религиозная идея, исходящая из изначальной греховности человека, и новая - из невинности ребенка. Впрочем, в Америке это привело к тому, что (как преодоление этой дихотомии) разработка реалистичных образов детей прошла на несколько десятилетий раньше, чем в Англии. Роман **Т.Б. Олдрича** «**The Story of a bad Boy**» (1869) как раз и принес новый – как для истории американской, так и для европейской литературы – тип детей, так называемых «bad boys». В этой связи, прежде всего, следует отметить всемирно известные романы **М. Твена**, а также менее известный в России роман **Д. Хаббертона** «**Helen's Babies**» (1876). Роман **Т.Б. Олдрича** положил начало целой традиции романов о взрослении (созревании), («novel of adolescence»). Термин «bad boy» означает не то, что персонаж «плохой» в принципе, а то, что он становится таковым в глазах взрослых. Этот роман противостоит традиции изображения детей ангелоподобными существами, не имеющими ничего общего с действительностью. Впрочем, и в американской литературе немало примеров «ангельских» детей: Еванджелина из романа **Г. Бичер-Стоу** «**Uncle Tom’s Cabin**» (1852), Том Лак из рассказа **Б. Гарта** «**The Luck of roaring Camp**» (1868), Эмили Грэнджерфорд из романа **М. Твена** «**Adventures of Huckleberry Finn**» (1885) или образ Энни из короткого рассказа **Н. Готорна** «**Little Annie’s Ramble**» (1835).

Настоящим событием для генезиса детского образа в истории мировой литературы оказался образ Гекльберри Финна из знаменитого романа М. Твена «**Adventures of Huckleberry Finn**». Уникальное сочетание в нем, с одной стороны, позиции наивного повествователя, с другой – критический, юмористически окрашенный взгляд на вещи «естественного», необразованного подростка, позволяет говорить об особой роли Марка Твена в развитии детского образа в истории американской литературы (среди писателей, на которых Марк Твен оказал прямое воздействие, исследователи обычно выделяют: Ш. Андерсона, Х. Ли, Дж. Сэлинджера, Э. Хэмингуея, Т. Вульфа, отчасти У. Фолкнера и др.).

Новый этап развития литературного образа ребенка связан с творчеством Г.Джеймса, признанного мастера психологического портрета. В его творчестве по-своему отражается борьба идей невинности и греховности ребенка. Амбивалентность детей, их злое и доброе начало, психологическая сложность характеров отражены в романах («**The Turn of the Screw**») (1898) и «**What Maisie knew**» (1897). Именно с творчеством Генри Джеймса связывается начало традиции пристального интереса писателей XX в., таких как **Д. Джойс, К. Мэнсфилд, В. Вульф, Д. Г. Лоуренс**, к психологии детей.

Во **втором параграфе - «Концепция детства и детские образы в литературе Англии и США XX века» -** прослеживается дальнейшая история развития образа ребенка в художественной литературе, которая оказывается связанной с научными исследованиями младенческого и детского сознания. Новая дисциплина психология и, в первую очередь, психоанализ сделали невозможным для литературы оставаться на позициях века XIX в

изображении внутреннего мира человека – сама идея психологизма в литературе стала абсолютно иной.

На литературное развитие проблемы детства в истории западной литературы значительное влияние оказывает теория З. Фрейда, последовательного и убежденного рационалиста, «анти-руссоиста» – в том смысле, что ученый не питает иллюзий относительно «золотого века» человечества – естественного первобытного состояния и золотого времени человека – состояния детства. Кроме З. Фрейда, значительное влияние на представление о ребенке в XX в. оказали Ж. Пиаже и К.Г. Юнг. Так, Ж. Пиаже, опытным путем рассматривая особенности мышления ребенка, выявил его синкретическую сущность (что свойственно мифическому сознанию первобытного человека). Его мышление лишено понятий субьекта и обьекта, материального и идеального, единственного и множественного, статического и динамического, существенного и атрибутивного, пространственного и временного. По мнению К.Г. Юнга, ребенок так же, как и древний человек, находится в гораздо более тесной связи с так называемой «коллективной душой» - комплексом врожденных представлений, идей и архетипов, существовавших всегда. Так, для швейцарского психолога мифологическое первобытное мышление принадлежит не только давнему прошлому, но и настоящему. Для него коллективное бессознательное – это биопсихологическая константа, важнейшее измерение человеческого бытия, он отделяет его от неврозов индивидуального бессознательного, и это обусловливает принципиальную позицию психолога в отношении к детству. В отличие от З. Фрейда (для которого детство по большей части является временем неврозов, влияющих на всю последующую жизнь человека) К.Г. Юнг видит в ребенке существо, имеющее более непосредственный, чем у взрослых, контакт с «фундаментальным содержанием души человечества». К.Г. Юнг научно обосновывает веру романтиков и модернистов в мудрость ребенка, теоретически поддерживая тех авторов XX в., которые продолжают романтическую традицию в изображении ребенка.

В XX в. в ситуации исчезновения табуированных тем и появления новых художественных и стилистических приемов (использование различных культурных кодов, «поток сознания», употребление разговорной лексики и т.д.) вооруженные знаниями психоанализа писатели стали обладать большими возможностями для изображения ребенка. Многое говорит в пользу того, что общая тенденция развития образа ребенка лежит в стремлении к психологически более точному наблюдению и к большей научной обоснованности. Наряду с реалистической тенденцией начала XX в. в этот период ребенок вновь «мифологизируется». Это характерно прежде всего для деятельности модернистов, у которых примитивизм и инфантилизм становятся важнейшими способами самовыражения и самоактуализации. Чтобы справиться со сложностью мира, художник упрощает его. С отказом многих писателей от (на их взгляд) мнимых ценностей XIX в., и переменой культурного модуса с реалистичности на фантастичность, с правдоподобности на иллюзорность, с конкретности на абстрактность, образ ребенка, в силу своей многофункциональности, становится особо привлекательным героем для модернизма XX в.

Как и романтики XIX в., модернисты нередко используют фигуры младенца и дикаря для выражения своих идей. Идеал **Ж.-Ж. Руссо** («естественный человек») переживает свое второе рождение. Именно интерес к первозданному, чистому, наивному, нетронутому, цельному, подкрепленный монументальными исследованиями **Ж. Пиаже** и **К.Г. Юнга** в области детского сознания, обусловливает интерес к детскому сенсорному восприятию и возможностям ребенка-творца. Теоретики модернизма **Б. Кроче**, **Г. Рид, А. Бретон** утверждали важность восприятия художника, приближенного к детскому. В модернизме детство обретает особый статус, превращаясь во всеобщий угол зрения. Интерес модернистов к детству обусловлен, во-первых, манифестацией их антитрадиционалистских методов художественного освоения действительности, во-вторых, теми особенностями

восприятия, что были приписаны ребенку (так же, как и дикарю), которые, как предполагалось, не были испорчены рассудком (как известно, эстетическое самосознание модернизма во многом сопричастно бунту против инструменталистского разума, а отрицание естественного языка осуществлялось, в том числе через использование возможностей детского, иными словами мифологического сознания, альтернативного знаковому мышлению). В третьих, в условиях глубочайшего мировоззренческого кризиса рубежа веков художники стремились вернуть расколотому миру единство, а человеку – дорефлексивную цельность восприятия, поэтому они обратились к иррациональным способам гармонизации мира – таким, как воссоздание мифа детства.

Мотив детства был в культуре рубежа веков важным методом дистанцирования от нормированной этики и эстетики. Миф о детстве расширил и углубил представление о человеке, о его потенциале, о его связях с миром иррационального. Обращение к детскому, изначальному, не тронутому рефлексией, внесло важные коррективы в понимание красоты и прекрасного в искусстве.

В истории английской литературы первой половины XX в. **Д. Джойс, Д.Г. Лоуренс, В. Вульф, К. Мэнсфилд и Э. Боуен** внесли особый вклад в историю развития детского образа. Жестокость, тираничность, садистские наклонности, лицемерие составляют в их произведениях часть детской натуры, точно так же, как человечность, самоотверженность, жертвенность, фантазия. Такой яркий диапазон характеристик обусловлен иррациональным элементом детской сущности и вызывает эффект высокой степени реалистичности образа. Творчество этих авторов во многом автобиографично. Отличительной чертой их художественного мира было более тонкое, по сравнению с предыдущей эпохой, проникновение в детскую психологию. Начиная с **Г. Джеймса** и **Д. Джойса,** событийный ряд произведений отодвигается на второй план, центр тяжести переносится на жизнь сознания, на субъективно преломленное восприятие действительности. **Д. Джойс** в своем романе «**A Portrait of the Artist as a young Man**» (1914/15) воссоздает стилистику речи различных этапов детского сознания – достижение, новаторское по своей природе. **К. Мэнсфилд,** используя похожую технику в своих рассказах «**How Pearl Button was kidnapped**» (1910), «**The Child who was tired**» (1910) и «**Prelude**» (1918), достигает огромной степени достоверности образа ребенка. У **Д. Джойса, К. Мансфилд и Э. Боуен** негативные качества детской души уравновешивают позитивные. Авторы признают наличие зла в ребенке, но это темное начало пока еще не доминирует в них.

Продолжается начатая еще викторианцами традиция критического изображения семейного и общественного воспитания. Социальное окружение детей в этих произведениях составляет широкий диапазон. Образы взрослых варьируются от любящих защитников (родители в «**Charity**», учительница в «**Daffodils**») до некомпетентных воспитателей («**Maria**», «**The little girl’s Room**»). Меняется оценка особенностей сознания ребенка. Дети больше не наивны и легковерны, а умны и критичны.

Все же социальное окружение литературных детей первой половины XX в. более дружественное, чем в последующую эпоху, когда значительную роль начинают играть образы так называемых «проблемных детей» («Problemkinder»)[10], вырастающих в неблагополучных, разрушенных семьях. Часто - это брошенные родителями или подвергшиеся насилию со стороны взрослых дети.

Сексуальность детей и подростков, долгое время остававшаяся табу в английской и американской литературе, эпизодически появляясь в первой половине XX в. (**«Sons and Lovers»** (1913) **Д.Г. Лоуренса, «A portrait of the Artist as a young man» Д. Джойса, «Light in August» (1932) У. Фолкнера**), впоследствии становится излюбленной темой. Тема

[10] Термин «Problemkind» разработан в диссертации немецкого исследователя Е. Шпанна. См. Spann E. Problemkinder in der englishen Erzaehlkunst der Gegenwart. Dissertation. – Tuebingen, 1970.

одиночества детей, заметно проявлявшаяся у перечисленных авторов первой половины XX в., в дальнейшем перерастает в свою крайнюю форму – в отчуждение («alienation»).

Одной из особенностей изображения ребенка в английской и американской литературе второй половины XX в. становится преобладание в нем негативных качеств над позитивными. При этом речь идет не только о детских проказах и недостатках, но и об аномальном развитии. Жестокость, грубость, жажда убийства, садизм, испорченность, беспощадность, бесчеловечность – это лишь неполный список новых проявлений литературных образов детей. Героями все чаще становятся дети из неблагополучной социальной среды, находящиеся в сложных отношениях с семьей, школой и обществом. Внешний мир здесь выступает в образе непонимающих и безразличных родителей, в виде супружеского кризиса и угрозы развода, бездарных и жестоких воспитателей и учителей. Конфликт поколений, особенно ощутимый в подростковом возрасте, находит отражение на страницах многих книг, адресованных не только тинейджерам (именно в это время появляются первые книги для подростков), но и взрослой аудитории. Примером могут служить **«The Catcher in the Rye»** (1951) **Дж. Сэлинджера**, «**The Day of the Sardine**» (1961) **С. Чаплина**, «**The Reivers: A Reminiscence**» (1962) **У. Фолкнера**, «**The Painted Bird»** (1965) **Д. Косински,** «**White Noise»** (1985) **Д. Де-Лилло, «Beloved»** (1987) **Т. Моррисон** и мн. др.

В западном искусстве XX в. популярным становится мотив дегуманизации детства. Симптоматично появление таких рассказов, как «**The Veldt**» (1950) и «**The small Assassin**» (1946) **Р. Брэдбери**, где дети с планомерной жестокостью убивают своих родителей. Как и некоторые другие писатели-утописты, Брэдбери видит угрозу существования так называемого «цивилизованного» мира, в том числе в образе инфантильных людей, в данном случае детей, которые представляют из себя непроницаемую, пугающую, чужеродную и враждебную взрослому человечеству, отдельную цивилизацию. Повторяемость этого мотива связана, прежде всего, с идеологией общества массового потребления, общества всеобщего благополучия, для которого мысль о возвращении «в природу» (символом его на протяжении долгого времени и был образ ребенка), об отказе от нажитого комфорта кажется не столь уж и привлекательной. Так, роман **У. Блэтти** «**Exorcist**» (1972) в этом контексте рассматривается не как история о столкновении добра и зла с религиозным привкусом, а как выражение завуалированного протеста старшего поколения против массовых антивоенных выступлений своих детей. В литературе XX в. бывшая жертва (ребенок) нередко превращается в палача, тогда как палач (взрослый) низлагается в жертвы. Серьезному, энергичному, самостоятельному и независимому ребенку диаметрально противопоставляется инфантильный, незрелый и беспомощный взрослый. В XX в. часто образы бесчеловечных и жестоких детей служат методом авторской критики общества «инфантильных» взрослых.

У. Голдинг в романе «**Lord of the Flies**» (1954) показал, как легко ребенок утрачивает налет цивилизованности, превращаясь в существо примитивное и страшное. В получившем широкую известность в Англии романе «**Повелительница камней**» (или «**Жестокосердая королева**», 1982) английская писательница **Э. Тэннант**, используя возможности «романа ужасов», изображает нескольких заблудившихся в лесу девочек, которые ритуально обезглавливают самую непривлекательную и несчастную среди них. Роман английского писателя **Д. Уиндема «The Midwich Cuckoos**» (1957) следует традиции «**The Small Assassin**» Р. Брэдбери и повествует о целой серии зловещих детей-телепатов, которые обязаны своим рождением инопланетной расе. Абсолютно лишенные чувства нравственности, они разрушают все на своем пути. **Роман Х. Во «Kate's House**» (1983) – своеобразная пародия на божественное правление миром. В роли бога выступает маленькая девочка Кейт, которой родители подарили кукольный дом. Все то, что происходит по ее детской, алогичной жестокой воле в этом домике, повторяется в реальной жизни с настоящими людьми. Нашумевший роман **В. Набокова «Лолита**» (1955) продемонстрировал другую крайность в интерпретации мифа о золотом веке и о

естественном человеке. Для Гумберта «бегство в природу» проявляется в его страсти к малолетним. В мании Гумберта угадывается извращенная мечта романтиков о «первозданной природе», которая теперь обращается против человека в его внутреннем развитии. Романы американских писателей **А. Левина «The Rosemary’s Baby»** (1968) и **Д. Зельтцера «The Omen»** (1976) выражают (в большей степени **«The Omen»**) апокалиптические настроения по поводу прихода в мир антихриста, «князя мира сего» очень натуралистично персонифицированного в образе ребенка.

С другой стороны, для литературного процесса второй половины XX в. характерно продолжение оптимистической и даже романтической традиции изображения детей (как символа истины и невинности). В творчестве Р. Брэдбери причудливым образом переплетаются обе крайности. С одной стороны, это уже приведенные нами в пример жестокие дети в рассказах «**The Veldt**» и «**The Small Assassin**», «**The Playground**» (1953), «Песочный человек», «Раковина», с другой же – целая галерея идеальных, «романтических образов» в таких произведениях, как: «**The Smile**» (1959), «**Dandelion Wine**» (1957), «**Something Wicked this Way comes**» (1962). Данная традиция находит место в творчестве таких писателей, как: **Дж. Сэлинджер** «**The Catcher in the Rye**», **Х. Ли** «**To kill a Mockingbird**» (1960), **С. Таунсенд** «**The Secret Diary of Adrian Mole aged 13 ¾**» (1985), **Я. Макивен** «**The Child in Time» (**1987), «**The Daydreamer**» (1995). **Н. Хорнби** «**About a Boy**» (1998), **Д.К. Роулинг** (серия книг **«Harry Potter»** (1998 – 2005)).

Вторая глава диссертации - «**Идейно-эстетические взгляды С. Кинга» -** посвящена обзору идейно-эстетических взглядов американского прозаика, без чего трудно было бы понять специфическую роль проблематики детства в художественном мире писателя и осознать своеобразие его художественной концепции детства.

Несмотря на то, что в целом творчество С. Кинга выходит как за рамки «жанра ужасов», так и за рамки фантастики, представляется невозможным осознать эстетическую и мировоззренческую систему ценностей писателя, не поняв его стремления использовать в подавляющей массе своих произведений элементы фантастического. Творчество С. Кинга нами рассматривается в генетической связи с традицией фантастической литературы XX в., с жанрами философской эссеистики, политической сатиры, социального прогноза и утопии, где конфликт переводится в нравственную плоскость. На наш взгляд, произведения С. Кинга входят в контекст такой современной литературы, где ярко выраженные мировоззренческие позиции автора, пафос утверждения определенных систем ценностей, злободневная публицистичность позволяют говорить о богатой идейной составляющей. Указанные качества объединяют Кинга с творчеством таких авторов, как: Р. Брэдбери, К. Воннегут, Д. Вэнс, Д. Оруэлл, О. Хаксли, М. Замятин, К. Чапек, Ф. Дик, У. Ле Гуин, Дж.Р.Р. Толкиен, А. Кларк, А. Азимов, Ф. Герберт, Р. Силверберг, Аркадий и Борис Стругацкие, С. Лем, Ф. Лейбер, Р. Желязны и др.

Социально-критический пафос писателя направлен против пороков таких общественных институтов американского общества, как семья («**Shining**» (1977), «**Cujo**» (1981), «**The Girl Who Loved Tom Gordon**» (1999), «**The Stand**» (1978), «**Boogeyman**» (1985), «**Children of the Corn**» (1978), «**Thinner**» (1984); школа «**The Rage**» (1971), «**Carrie**» (1974), «**Suffer the little Children**» (1993), «**Christine**» (1983)), политическая власть («**The Long Walk**» (1979), «**Running Man**» (1982), «**The dead Zone**» (1979), «**Firestarter**» (1980), «**The Mist**» (1985)), религиозный фанатизм («**Children of the Corn**», «**The dead Zone**», «**Carrie**», «**The Talisman**» (1984)), а также против того влияния, какое имеет в современном западном обществе техника и рациональное знание («**The Stand**», «**Christine**», «**Pet Sematary**» (1983), «**Tommyknockers**» (1987)).

В соответствии с отмеченной нами в **первой главе** инициационной традицией американской литературы (**Н. Готорн, Дж. Сэлинджер, У. Фолкнер, Д. Апдайк, Т. Вульф**), социализация воспринимается С. Кингом как зло, порождающее еще большее зло. Но кроме

внешних факторов возникновения зла, С. Кинг обнажает также индивидальные пороки человека: эгоизм, нравственную слабость, зависимость от власти, внутреннюю готовность пойти на компромисс со злом – все то, что, по мнению автора, губит человеческое достоинство и те ростки доброго, которые есть в каждом человеке. Это и приводит к появлению в жизни кинговских героев гротескных и яростных мизантропических сил в виде сверхъестественных или вполне объяснимых, но от этого не менее ужасных явлений («**Needful Things**» (1991), «**Thinner**», «**The Green Mile**» (1996), «**Tommyknockers**», «**Shining**»). Свободная воля и ответственность в художественном мире С. Кинга не могут быть отделены от концепции добра и зла. Помещенные в тяжелую ситуацию, кинговские персонажи обязаны сделать выбор: либо бороться со злом просто потому, что оно существует как угрожающая сила, либо уступить ему.

В своем художественном мире С. Кинг не создает оригинальных идейно-эстетических структур. С одной стороны, он отталкивается от традиционной, сформулированной еще Аристотелем функции искусства как достижения катарсиса, то есть очищения эмоциями – такими, как *страх* и жалость, с другой от общечеловеческих ценностей, существующих в сознании читателя. Идейно-эстетический космос его книг всегда морально поляризован.

С культурологической точки зрения, в детских образах С. Кинга находит свое выражение авторская критика по отношению к духовному состоянию современной западной цивилизации. Как невинные, так и порочные дети часто становятся жертвой/продуктом порочной социализации, самые жестокие проявления агрессии и насилия обусловлены воздействием окружающего мира. При этом особенностью авторской концепции является то, что детерминированность поведения героев уравновешивается идеей свободы их морально-этического выбора. Этот принцип распространяется и на взрослые, и на детские персонажи.

С другой стороны, приверженность С. Кинга к особому поджанру фантастики «horror» (литературе ужасов)[11] накладывает свой отпечаток на идейный мир писателя: он соединяет в своих произведениях не только острую критику реалий, но и глубинную «терапевтическую» проработку фобий современного общества, главной из которых является страх смерти. Среди прочих фобий, важных для понимания социально-культурологической сущности жанра ужасов, выделим: страх экзистенциального одиночества и враждебности окружающего мира, страх неконтролируемой болезни как физиологического, так и психического, как индивидуального, так и эпидемического характера, страх апокалипсиса. В целом все эти фобии можно охарактеризовать как страх перед неконтролируемыми изменениями относительно благополучного состояния человека, достигнутого в современном западном «обществе потребления». На примере фильма «Чужие» пугающий эффект легко объясняется тем, что реципиент подсознательно видел в образе вируса-монстра (от которого невозможно избавиться после заражения) личную угрозу заболеть такой болезнью, как рак, само название которой намекает на ее животную сущность. Быть укушенным вампиром равносильно тому, чтобы потерять обладание собой, т.е. стать сумасшедшим. Многочисленные апокалиптические фильмы выражают массовый страх перед реальной угрозой конца света. Нет более образной метафоры неотвратимости и тотальности смерти, чем постоянно повторяющийся в фильмах ужасов мотив погони некоего чудовища за человеком. Чудовище настигает жертву, несмотря на отчаянное сопротивление последней, несмотря на то, что человек, например, многократно стреляет в него из оружия, стремясь отвратить неотвратимое, все предпринимаемые попытки избежать смерти оказываются бессмысленными.

Считается, что литература ужасов реагирует на более «насущные» страхи человека, в отличие от традиции антиутопии, где рассматриваются не только вопросы политического

[11] Именно так Сабина Бюссинг классифицирует литературу ужасов в своей книге «Aliens in the Home. The child in horror fiction». – Westport, 1987 («Чужие в доме. Ребенок в литературе ужасов»). Мы придерживаемся этой же точки зрения.

характера, но и нравственные вопросы современного общества, такие, как вопрос о возможности клонирования людей, продления жизни и конечного «обессмерчивания» человека. В сущности, в современной культурной ситуации экзистенциального страха литературу ужасов вполне можно рассматривать и анализировать и как невроз, и как средство его лечения, как своеобразную «кушетку психоаналитика» для массового читателя – явление, где симптом и терапия объединены в одном феномене.

С психоаналитической точки зрения и в соответствии с традициями литературы ужасов, используя образы детства, С. Кинг в ряде произведений демонстрирует пагубность регрессии в инфантильное состояние (**«The Raft»** (1985), «**Sometimes they come back**» (1978), «**The Library Policeman»** (1990))**.** Другой «фрейдовской» идеей, непосредственно связанной с авторской концепцией детства и составляющей своеобразие художественного мира писателя, становится идея преодоления невроза, связанного с вытеснением неприятных детских воспоминаний и комплексов и их влияния на дальнейшее формирование личности (романы «**Gerald’s Game**» (1992), «**The Library Policeman**». **«The Monkey»** (1985), «**Blind Willie**» (1999)).

Обращаясь к третьей важнейшей доминанте, а именно к ярко выраженному мифологизму творчества С. Кинга, выделим на структурном уровне такие, характерные и часто встречающиеся в его произведениях элементы волшебной сказки и мифа, как поляризация сил, особая сказовая манера письма, нарушение запрета (табу) как основа сюжета, сила проклятия, испытание героя, наличие беды и противодействие ей (в целом хаос versus космос), схема ритуала инициации и т.д. Особенностью кинговского мифологизма является то, что автор активно и сознательно использует архетип ребенка как символ цельности, интеграции сознания с бессознательным, антиципации смерти и нового рождения, баланса невинности и мудрости, свободы и ответственности, слабости и силы.

Идеальным героем в художественном мире С. Кинга считается тот, в ком интегрированы сознательное и бессознательное, взрослость и детскость, познание и невинность. Такой герой («взрослый» ребенок, «детский» взрослый) в состоянии справиться с проявлениями иррационального хаоса, врывающегося в повседневный мир. Это обусловлено тем, что в нем нет пропасти, отделяющей рациональное и иррациональное, поэтому он, как правило, первым узнает о присутствии хаоса, лучше понимает его природу и знает, как с ним бороться. Один из путей достижения такой гармонии для читателей открывает мотив путешествия, символизирующий, согласно Д. Кэмпбеллу и Алисе Бернис, процесс развития, благодаря которому личность стремится стать цельной. Таким образом, многократное использование С. Кингом мотива «инициационного путешествия» следует трактовать как метафору внутреннего развития героев и читателей.

Пугающий эффект кинговских произведений ужасов амбивалентен. С одной стороны, это обусловлено способностью литературы ужасов аллегорически обозначать некий реальный и устрашающий опыт, который преподносится метафорически. С другой же, творческому методу С. Кинга свойственны психологизм и способность реалистично копировать образ мышления и поведения ребенка, что позволяет автору при использовании повествователей-детей внушать наивному читателю наряду с другими характерными для его письма техниками (особая сказовая манера письма, реалистичность изображаемого, достигаемого путем перенесения в текст слуховых, визуальных и кинетических ощущений, заставляющих воспринимать содержание соматически, умелое использование деталей повседневного быта и т.д.), веру в реальность происходящих фантастических событий, делать перцепцию более «детской», осуществлять интеграцию взрослого и детского, рационального и иррационального. Кинговская трактовка задач «сказок для взрослых» перекликается с объяснением особенностей «волшебных сказок», предложенным известным американским психоаналитиком Б. Беттельгеймом. Ученый полагает, что волшебные сказки обладают терапевтическим действием, т.к. в них внутренние процессы переведены на внешний

уровень, пациент находит собственные решения своих проблем через размышления о том, что в истории может быть связано с ним лично и с его актуальными внутренними конфликтами.

Как и в сказках, содержание литературы ужасов обычно не имеет ничего общего с внешней жизнью читателя, но прочно связано с его внутренними нерешенными проблемами. С. Кинг усиливает это свойство иносказательных жанров, используя теорию К.Г. Юнга: в ряде его произведений архетип ребенка выступает как символ связи с бессознательным, обладающим силой трансформировать психику человека.

Третья глава «Типология детских образов в творчестве С. Кинга» состоит из трех параграфов, в которых с использованием культурологического, мифологического и психоаналитического подходов проводится анализ ряда произведений С. Кинга.

В **первом параграфе – «Тема инициации в прозе Стивена Кинга» -** с позиций мифологической школы анализируются повести «**Body**», «**Low Men in Yellow Coats**».

Основная тема повести «**Body**» из сборника «**Different Seasons**» (1982) – путешествие главного героя, двенадцатилетнего мальчика Горди и прохождение им ряда испытаний, благодаря которым он осознает себя как будущего писателя и просто как взрослого человека. Герой проходит путем «мифологического приключения», три основных этапа которого: уединение – инициация – возвращение[12]. В этом приключении мифологический герой отправляется из мира повседневности в область удивительного и сверхъестественного: там он встречается с фантастическими силами и одерживает над ними решающую победу: из этого, исполненного таинств приключения он возвращается наделенным способностью нести благо своим соплеменникам (макро-задача) или же решает свои собственные проблемы (микро-задача).

Мотив чудесного рождения, положение младшего (нелюбимого) сына, угнетаемого как родителями, так и окружением, образ бесплодного отца и связанный с ним образ бесплодной земли - стандартный набор признаков героя мифа и волшебной сказки в ситуации, предшествующей началу инициационного путешествия, - все это также характеризует положение Горди. Путешествие вместе с друзьями к телу погибшего днем ранее мальчика – путь индивидуации, превращения его в свободную личность, нахождения внутреннего источника силы – включает в себя множество элементов «мифологического приключения». Это и зов к странствиям (метафорически означающий перенос центра его духовного тяготения за пределы общества, в область неизвестного), и прохождение порога, за которым находятся области неизведанного, испытание смертью, вещий сон, видение божества, битва с хтоническими силами и открытие тайны смерти. В итоге выполняется как микро-задача – решение проблем, связанных со статусом в обществе (психологически связанных с установкой независимости сознательного эго), так и макро-задача – благотворное влияние будущего писателя, каковым становится главный герой повести, на общество. Само описание путешествия предлагает наивному читателю на время вновь стать ребенком и, пройдя вместе с героями повести испытания инициации, проникнуть тем самым внутрь собственной психики и благотворно влиять на происходящие в ней процессы.

В творчестве С. Кинга найдутся примеры и менее удачной инициации ребенка, когда переход от невинности к опыту отягощается негативными силами. Так, в повести «**Low Men in Yellow Coats**» из сборника «**Hearts in Atlantis**» (1999) взросление главного героя Бобби Гарфилда происходит в непосредственной связи с трагической утратой им иллюзий, связанных с окружающим миром и с разочарованием в самом себе. Негативной силой, ввергающей Бобби в разочарование и отчаяние, становится образ жестокого, пошлого, эгоистичного, прозаичного мира взрослых. Основой же «инициационного» путешествия

[12] Описанная схема - стандартный паттерн «минимального повествования», т.е. движения от одного состояния равновесия через дисбаланс к другому сходному, но не тождественному первому. Эта, по своему происхождению архаичная схема, стандартна для многих произведений литературы.

становится для мальчика избавление от влияния матери, символически выражающее «убийство» его инфантильного эго. Мать Бобби, озлобленная своими неудачами, стремится обвинить в них покойного мужа и делает все, чтобы создать у сына негативное представление об отце и о мужчинах вообще. Лиз Гарфилд жесткостью, черствостью, злобой и в целом всей формульностью своего поведения подчас напоминает злую мачеху из сказки[13]. Процесс освобождения от ее влияния начинается вместе с приездом нового жильца Теда Бройтигена, который символически становится для Бобби вторым отцом, играя характерную для «архетипической литературы» роль ментора. Выясняется, что за Тедом охотятся некие таинственные силы - «низкие люди», выступающие, с одной стороны, как репрезентанты мифического хаоса, с другой – как выражение неких общих, характерных и ясных для ребенка негативных черт мира взрослых. В отсутствие матери Бобби, нарушая ее табу, случайно оказывается в баре, где бывал его отец. Здесь мальчик встречается с хозяйкой бара, чье описание отца разительно отличается от представлений о нем его матери. Бобби символически выполняет одно из заданий архетипического путешествия: он находит отца, налаживая тем самым связь между прошлым и настоящим.

Трагический конец наступает тогда, когда мать, также, в свою очередь, ставшая жертвой насилия со стороны жестокого мира, решает продать Теда искавшим его «низким людям». Бобби, желая предупредить Теда, не справляется с классическим для мифов испытанием на жертвенность. Когда перед ним встает выбор: пожертвовать собой и отправиться вместе с Тедом и кошмарными «низкими людьми» в их ужасный мир, либо сдаться и остаться вместе с матерью, т.е. пойти на компромисс со злом этого мира, он выбирает последнее. Дальнейшая судьба Бобби представляет собой отчаянную, ожесточенную и бессмысленную попытку повернуть события вспять.

Для С. Кинга идеальным результатом инициации является такое состояние человека, когда детская невинность соединяется со взрослым познанием (последнее по Кингу предполагает наличие сильного чувства ответственности).

Во **втором параграфе – «Мотивы инфантильной регрессии и вытеснения. Невроз и проблема влияния детства на взрослую жизнь в творчестве С. Кинга»** - анализируются часто встречающиеся в творчестве С. Кинга «фрейдистские» мотивы инфантильной регрессии и вытеснения как сюжетообразующие и раскрывающие своеобразие проблемы влияния детства на взрослую жизнь. Так, рассказ «**The Raft**» из сборника «**Skeleton Crew**» (1985) демонстрирует пагубность попытки взрослого человека уйти в инфантильное состояние. Герои этого рассказа, находящиеся к моменту повествования на самой верхней границе подросткового возраста, решают провести свободный вечер вдали от Университета, в котором учатся. Их целью было насладиться последним теплым днем и символически проститься с навсегда уходящим детством. Плот на середине озера олицетворяет для героев лето, время беззаботности и детства. Они пытаются реанимировать свои детские ощущения и решают доплыть до него. Позднее они обнаруживают, что вокруг этого своеобразного оазиса детства кружит нечто непонятное и угрожающее. Внешний вид странного существа приковывает к себе внимание и вводит смотрящего в гипнотическое состояние, соприкосновение с ним вызывает жуткую боль, и в конце концов монстр озера убивает всех персонажей рассказа. Чудовище, обитающее в воде, символизирует иррациональные силы детства, с которыми взрослым уже не справиться, устоять на плоту дано лишь ребенку.

Идея вытеснения детских воспоминаний и их влияние на дальнейшее формирование личности получила свое отражение в повести «**The Library Policeman**» из сборника «**Four Past Midnight**» (1990), в которой вытеснение детского воспоминания героя об

[13] Образ злой матери/мачехи, хтонической матери традиционен в волшебной сказке. Как угроза развивающемуся мужскому началу, он один из внешних стимулов для начала «инициационного путешествия» мальчика-подростка.

изнасиловании позволило внешнему злу в образе «библиотечного полицейского»[14] придти к уже взрослому герою и манипулировать им. Отсутствие понимания (а именно это, по Фрейду, и является признаком комплекса) заставляет героя пребывать в невротическом состоянии и играть по правилам иррационального зла. Только через волевую проработку, выражающую сознательный путь от симптома к причине, герой находит рычаги управления ситуацией и побеждает зло. Только через принятие событий, произошедших в детстве, он становится взрослой личностью. По похожей схеме, но уже без «хэппи энд», развивается сюжет рассказов «**Sometimes They Come Back**» из сборника «**Night Shift**» (1978), и **«The Monkey»** (1980) из сборника **«Sceleton Crew.** В романе «**Gerald’s Game**» (1992) благодаря уникальным обстоятельствам, по форме напоминающим условия, создаваемые современными психотренингами, главной героине удается избавиться от своего комплекса. В творчестве С. Кинга находит отражение проблема амбивалентности проблемы детства, оппозиции инфантильности и детскости.

В **третьем параграфе – «Ребенок как жертва и палач: два модуса выражения социо-культурной критики С. Кинга» -** рассматриваются произведения, в которых ребенок является средством выражения авторской социо-культурной критики. Через этот образ критика писателя распространяется на все ступени пирамиды современного американского общества: семья, школа, церковь, власть. Мишенью авторской культурной критики становятся как прошлые ошибки Америки («**Children of the corn**», «**The Long Walk**»), так и настоящие («**Rage**», «**Carrie**», «**It**», **The Boogeyman и др.**) Анализ повестей, рассказов и романов С. Кинга позволяет выделить два основных модуса социо-культурного подхода писателя к художественному отображению отношений поколений «отцов и детей» в условиях индустриальной и постиндустриальной цивилизации. В его произведениях ребенок и подросток выступает и в качестве жертвы «взрослого мира» и в качестве его судьи и «палача».

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования.

Анализ творчества С. Кинга в широком литературоведческом и культурфилософском дискурсе дает основания сделать вывод о том, что концептосфера его произведений о детях и детстве генетически связана с англо-американской литературной традицией, на которую непосредственное влияние оказывали концепции детства, разработанные в трудах известных европейских философов, антропологов, психологов и культурологов.

Важнейшим концептом, составляющим идейно-философскую основу темы детства в англо-американской литературной традиции, являются идеи Ж.-Ж. Руссо о естественном человеке, нашедшие отражение в эстетике английского и американского романтизма. Взгляд на мир глазами «естественного человека» становится популярным модусом отражения действительности не только для литературы эпохи романтизма, но и для литературы европейского и американского модернизма XX века. Тема детства в американской литературной традиции тесно связана с концептом «американского Адама» как неотъемлемой части «американской мечты», разочарование в которой приводит к трагическому выводу о неизбежности приобщения ребенка (символизирующего судьбу человека) к злу, как одному из последствий взросления (социальной жизни).

С тех пор, как с легкой подачи Ж.-Ж. Руссо ребенок для романтиков вместо «еще не человека» становится «лучшим человеком» и олицетворяет собой «склонности и

[14] Библиотечный полицейский является одним из персонажей современного американского детского фольклора. Это мифическое существо, наказывающее детей, вовремя не отдавших книги в библиотеку. В случае с главным героем кинговской повести именно этим, понятным для всякого ребенка чудовищем маньяк запугал малыша, чтобы тот кому-нибудь не проговорился о случившемся. Вера малыша была усилена тем, что случившееся произошло непосредственно вблизи городской библиотеки, куда он в тот момент нес возвращать просроченные книги.

человеческое предназначение», он является превосходным средством социально-культурной критики взрослого общества, которое как «осуществление», всегда остается бесконечно ниже чем потенция, предназначение человека. Различные варианты использования в этом качестве ребенка в XIX и XX вв. были рассмотрены нами в рамках первой главы. Отметим, что критику может воплощать и ребенок/жертва (как это часто случалось у романтиков и викторианцев) и ребенок/палач (как отрицание инфантильности общества взрослых, или как репрезентант изначально порочной человеческой сущности у писателей XX в).

Таким образом, в этом качестве образ ребенка становится популярным средством культурной критики для социально-направленной литературы, каковым в XX в. и является во многом феномен литературы о необычайном, для которого, как совершенно верно отметила Е.Н. Ковтун, свойственен «эффект заострения или аккумуляции смысла изображаемого» и «реализации абстракций», где, по мнению исследовательницы, «раскрываемая с помощью различных типов вымысла проблематика как правило имеет общечеловеческий характер».

Творчество С. Кинга как раз и находится в генетической связи с идейно-эстетическим контекстом социальной и философской фантастики с присущими ей пафосом утверждения определенных систем ценностей, дидактичностью. В его прозе этот, критический, названный нами социо-культурным аспект проблемы детства, представлен в самом широком аспекте – через образ ребенка критикуются (используется как ребенок/жертва так и ребенок/палач) как прошлое, так и настоящее Америки, критика автора распространяется практически на все ступени пирамиды современного американского общества: семья, школа, церковь, власть.

В качестве второго важнейшего концепта, повлиявшего на современное осмысление проблемы детства, выделяются идеи психоанализа, который в начале XX в. «подтолкнул» искусство (хотя порою может показаться, что и наоборот) к более тщательному изучению феномена детства, что привело к появлению психологически точных портретов детей в литературе. Теперь у писателей есть необходимая теоретическая база и подходящий инструментарий для того чтобы более глубоко проникать во все ступени развития человека. Важнейшей темой становится проблема влияния детства на взрослую жизнь. Для З. Фрейда ребенок становится синонимом человека неразумного, детство рассматривается как время неврозов, а его теория – хорошее объяснение и суровый приговор феномену использования темы детства как средства эскапизма, т.е. той функции литературы которая становится в XX в. все более значимой.

В связи с выделенной нами во второй главе способностью литературы ужасов как под-жанра фантастики затрагивать страхи и фобии коллективного бессознательного, для чего писатели жанра «Horror» умело пользуются достижениями психоанализа, мы, рассмотрели часто встречающиеся в творчестве С. Кинга «фрейдистские» мотивы инфантильной регрессии и вытеснения как сюжетообразующие и раскрывающие своеобразие проблемы влияния детства на взрослую жизнь. Автор сознательно разделяет положительные качества детскости и отрицательные инфантильности.

Третьей важной частью нашей типологии является мифологизм произведений С. Кинга. Юнговская теория архетипов и кэмпбеловское расширительное понимание мифа оказали большое влияние на его художественную концепцию детства. У С. Кинга архетип ребенка рассматривается как символ цельности, интеграции сознания с бессознательным, баланса невинности и мудрости, свободы и ответственности, слабости и силы. Часто используемый автором мотив инициации рассматривается нами как символ внутренних психических процессов. Для С. Кинга идеальным результатом инициации является такое состояние человека, когда детская невинность соединяется со взрослым познанием (последнее по Кингу предполагает наличие сильного чувства ответственности). Один из путей достижения такой гармонии для читателей как раз и открывает мотив путешествия, и положительные качества детского архетипа, согласно Д. Кэмпбеллу и А. Бернис, символизирующие процесс

развития личности. Использование С. Кингом мотива «инициационного путешествия» следует трактовать как метафору внутреннего развития героев и читателей.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях:

1) Ненилин А.Г. Система международных школьных обменов как уникальный метод обучения иностранным языкам и воспитания поликультурной личности // Культура и язык: Материалы международной научно-практической конференции. – Самара, 2003. – С. 318 – 322.
2) Ненилин А.Г. Эволюция образа ребенка в литературе Англии и США // Филологическая проблематика в системе высшего образования – 2005: Межвузовский сб. научных трудов. Выпуск 2. – Самара, 2005. – С. 176 – 183.
3) Ненилин А.Г. Образ ребенка в американской литературе XIX в. // Культура и текст – 2005. Сб. научных трудов международной конференции. Том. 3. – Барнаул, 2005. – С. 36 – 42.
4) Ненилин А.Г. Значение фигуры ребенка в модернизме // Научный альманах Телескоп. Вып. 13. – Самара, 2006.
5) Ненилин А.Г. «Злой» ребенок в английской и американской литературе второй половины XX века // День науки. сб. статей преподавателей и студентов – участников VI и VII студенческих науч. конференций СФ МГПУ – Самара, 2006. – С. 179 – 183.